

УДК 1(091)(101.3)(111)

КРИТИКА ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ КАК НАПРАВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

И. М. Наливайко,

*кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии культуры БГУ
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0280-3475>;*

Е. И. Жук,

*кандидат философских наук, старший
научный сотрудник, Институт философии
Национальной академии наук Беларуси
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7869-487X>*

Поступила в редакцию 15.05.2025.

UDC 1(091)(101.3)(111)

CRITIQUES OF EVERYDAY LIFE AS A MOVEMENT IN CONTEMPORARY SOCIAL PHILOSOPHY

I. Nalivaika,

*PhD in Philosophy, Associate Professor,
Philosophy of Culture Department, BSU
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0280-3475>;*

K. Zhuk,

*PhD in Philosophy, Senior Researcher,
Institute of Philosophy of the National
Academy of Sciences of Belarus
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7869-487X>*

Received on 15.05.2025.

В данной статье проводится историко-философская реконструкция основных этапов становления критики повседневной жизни как отдельного направления современной социальной философии, выявление ее дисциплинарного статуса и сущностных характеристик, а также обосновывается тезис о том, что данное направление в настоящее время представляет из себя доминирующий подход к изучению повседневной жизни, поскольку признает ее сложный и амбивалентный характер и преодолевает одностороннюю трактовку повседневности только как анонимно-усредненного модуса социальности. Статья выявляет истоки и прослеживает динамику данного направления, возникающего на пересечении различных стратегий современной философской мысли. В ней также осуществляется прояснение семантики и разведение таких базовых концептов, как «повседневность» и «повседневная жизнь», что имеет принципиальное значение для уяснения специфики социальных и экзистенциальных проекций философии повседневности. Обозначая возможность различных способов тематизации повседневной жизни, авторы статьи осуществляют экспликацию одного из них – тематизацию повседневного языка и речи – как обладающего методологическим преимуществом преодоления разрыва между теорией и практикой.

Ключевые слова: повседневность, повседневная жизнь, критика повседневной жизни, отчуждение, повседневные практики, обыденный язык, повседневная речь.

This article in history in philosophy provides a reconstruction of the main stages in the development of critiques of everyday life as a separate movement of contemporary social philosophy. It also identifies its disciplinary status and essential characteristics, and substantiates the thesis that this movement currently represents the dominant approach to the study of everyday life, since it recognizes its complex and ambivalent nature and overcomes the one-sided interpretation of everydayness only as an anonymously averaged mode of sociality. The article identifies the origins and traces the dynamics of this movement, which arises at the intersection of various strategies of contemporary philosophical thought. It also clarifies the semantics and differentiates such basic concepts as «everydayness» and «everyday life», which is of fundamental importance for understanding the specifics of social and existential projections of the philosophy of the everyday. While outlining the possibility of various ways of thematizing everyday life, the authors of the article explicate one of them – the thematization of everyday language and speech – as having the methodological advantage of overcoming the gap between theory and practice.

Keywords: everydayness, everyday life, critiques of everyday life, alienation, everyday practices, ordinary language, everyday speech.

Введение. Несмотря на тот факт, что повседневность и повседневная жизнь относительно поздно становятся объектом теоретической рефлексии (впервые взятое из обыденного немецкого языка слово *Alltäglichkeit* («повседневность») в качестве философского термина используется в 1911 г. Д. Лукачем и затем заимствуется М. Хайдеггером), в настоящее время этот феномен активно изучается в различных сферах гуманитарного знания, таких как социология, лингвистика, антропология, но, прежде всего, он становится

предметом пристального внимания философов. Социокультурная ситуация рубежа XIX–XX вв. обнажает односторонность классического картезианского сведения человеческой сущности к мыслительной деятельности и отвлеченный характер ассоциирования человеческой субъективности с т. н. трансцендентальным субъектом. Происходит смещение акцентов, обусловившее переход от чисто эпистемологической трактовки субъекта к экзистенциально-онтологической. Ведущие стратегии современной философской

мысли исходят из презумпции востелесненной и интерсубъективной природы сознания, что, в свою очередь, отсылает к проблематике субъективности, вырастающей из понимания человека как некой целостности, предопределенной не только телесно-сознательным единством, но и сложной совокупностью его социальных связей. В этом плане повседневная жизнь, в которую каждый человек с необходимостью погружен, представляется весьма привлекательным объектом исследования, поскольку она вмещает в себя как частную жизнь человека, так и многообразие его социальных активностей: производственных, коммуникативных, культурных и т. д. Она, по очень точному определению Бернхарда Вальденфельса, представляет собой своего рода «плавильный тигль» [1], но ее сплавляющему воздействию подвержены не только рациональность (как бы широко ее не трактовать), но и весь спектр человеческих взаимосвязей с окружающим миром и социумом. Это свойство повседневности привлекает внимание представителей различных стратегий современной философии (феноменологии, постструктурализма, аналитической традиции), выделяющих для себя определенный ракурс исследования и реализующих различные способы тематизации данного феномена. Поскольку повседневная жизнь, по преимуществу, трактуется как определенный модус социальности, приоритет в данных исследованиях принадлежит социально-философскому ракурсу рассмотрения данной проблематики.

Однако при всей множественности и пестроты концепций, направленных на исследование повседневности и повседневной жизни, в современной социальной философии можно выделить некий доминирующий подход, позволяющий объединить ряд из них в особое направление, наиболее адекватным названием которого, на наш взгляд, может служить выражение «критика повседневной жизни».

В силу этого целью данной статьи является историко-философская реконструкция и обоснование дисциплинарного статуса критики повседневной жизни как отдельного направления современной социально-философской мысли и выявление ее сущностных характеристик.

Основная часть. Историко-философскую реконструкцию критики повседневной жизни следует начать с этимологии и расшифровки семантического наполнения самого этого обозначения. Впервые оно становится известно в академических кругах как название одноименной книги французского неомарксиста Анри Лефевра, в которой он, отталкиваясь от марксистской идеи целостного человека и критики феномена отчуждения, пытается разработать свои сценарии преодоления результатов последнего. С точки зрения Лефевра, именно повседневная жизнь изначально являла собой целостность и полноценность человеческого существования, в то время как от-

чуждающий характер капиталистических производственных отношений приводит к иссушению и деградации ее сценариев, превращению человека в частичную функцию, к замещению полноты жизни следованием стратегическим линиям, прочерченным буржуазными социальными институтами. Процессы отчуждения приводят к превращению повседневной жизни в выхолощенную повседневность – безликое усредненное существование человека-работника, функции, лишенной индивидуальности. Пути преодоления этой ситуации французский мыслитель видит в восстановлении полноты повседневной жизни путем революционного переустройства повседневности. Разработка сценариев этого переустройства, по его мнению, и должна стать основной задачей марксистской теории [более подробно см.: 2]. В понимании Лефевра, критика повседневной жизни должна не только возродить смысл критической теории, берущий истоки еще в трансцендентальной философии И. Канта, но и придать новый импульс марксизму как учению, призванному преодолеть разрыв между теорией и практикой. В данном случае обращенность к повседневной жизни представляется более чем оправданной, поскольку последняя по определению носит практический характер. Повседневная жизнь, по мнению большинства исследователей, есть прежде всего трудовая деятельность, вносящая необратимые изменения в мир и в существование самого человека. В ней переплетаются все виды человеческой деятельности и формируется человек как уникальная целостность. То есть осуществляемая неомарксизмом критика повседневной жизни должна быть нацелена на выявление условий возможности опыта практического преобразования повседневной жизни и определение его конкретных путей.

Именно Лефевру принадлежит первая попытка разведения понятий повседневности и повседневной жизни [3], которые зачастую употреблялись (и до сих пор иногда употребляются) синонимично. Однако на его, несколько ограниченную, трактовку повседневности как выхолощенных процессами отчуждения полноты и единства повседневной жизни явно повлияла позиция раннего Хайдеггера, который понимал повседневность как особый способ существования в мире, равнозначный анонимно-усредненному модусу социальности. Но сама интенция дифференциации этих понятий оказалась весьма плодотворной. Дело в том, что при всей привлекательности идеи философского постижения повседневности как «особой сферы и способа жизни» (Б. Вальденфельс), что означает акцентирование ее экзистенциальной значимости, выстраивание ее теоретической модели представляет собой серьезный вызов для философа. Любая попытка теоретического «схватывания» повседневности с неизбежностью ее омертвляет, поскольку вынужденно игнорирует ее «текущий»,

процессуальный характер, хорошо отраженный в афористичном определении Мориса Бланшо: «Повседневность исчезает» [4]. То, что действительно постигается теорией, есть лишь «след» этой исчезающей повседневности, а именно, повседневная жизнь как «набор практик, которые управляют частной и публичной жизнью конкретных людей в конкретное время» [5, с. 20]. Поэтому объектом изучения социальной философии может быть не повседневность в ее текучести и изменчивости, а только повседневная жизнь как относительно устойчивое и исторически определенное образование.

Таким образом, главной заслугой Лефевра в становлении критической теории повседневной жизни является то, что он открыл и обосновал ее амбивалентный характер, подчеркнул позитивный социально-онтологический статус и провозгласил целью этой критики обнаружение условий возможности опыта ее практического преобразования во имя возвращения человеку полноты и целостности его существования. Именно этот факт позволил сделать название его книги определением целого направления, вбирающего в себя концепции мыслителей, принадлежащих изначально к разным стратегиям современной философии, но сделавших объектом своего изучения повседневную жизнь как сложноструктурированный феномен, обладающий позитивным социально-онтологическим статусом.

Именно этот теоретический импульс воспринял англоязычный канадский мыслитель М. Гардинер, попытавшийся в своем труде «Критика повседневной жизни» [6] выстроить некую семантическую цепочку, объединившую таких, на первый взгляд, несхожих мыслителей, как А. Лефевр, М. М. Бахтин, А. Хеллер, М. де Серто, Д. Смит, включив в этот виртуальный диалог и некоторых представителей мира искусств. Однако, выделив в качестве общей для этих концепций основы признание амбивалентного характера повседневной жизни, Гардинер не осуществляет развернутую историко-философскую реконструкцию, позволившую бы зафиксировать критику повседневной жизни как отдельное направление социальной философии. Осуществляемый им анализ выбранных концепций носит скорее предваряющий и фрагментарный характер и призван обозначить критику повседневной жизни как некую «контр-традицию», вырисовывающуюся внутри мощного массива исследований повседневности. Хотя Гардинер начинает свою книгу с глав, посвященных отображению повседневной жизни в поэтике сюрреалистов и диалогизме Бахтина, он далеко не случайно заимствует название книги у Лефевра как первооткрывателя нового способа изучения и интерпретации повседневной жизни. Именно благодаря предложенному французским философом критическому подходу и становится возможным выделение этой проблемной области в качестве

отдельного направления социально-философской мысли.

Справедливости ради следует отметить, что истоком этого направления следовало бы считать философское наследие В. В. Розанова, который не только обратился к теме повседневности и повседневной жизни задолго до Хайдеггера, но и расширил понятие повседневной жизни за счет включения в него феномена дома и частной жизни, подчеркнув их позитивный онтологический статус [подробнее см.: 7]. Однако, в силу сложных исторических судеб русской философии того времени, реконструкция роли Розанова в формировании критики повседневной жизни все еще требует отдельных исследовательских усилий. Но непреложным является тот факт, что именно философия Розанова повлияла на становление концепции Бахтина, чьи заслуги в становлении критики повседневной жизни тот же Гардинер считает несомненными. Несмотря на то что Бахтин не посвящал специальных работ феномену повседневности, он внес существенную лепту в исследования повседневного языка, intersубъективного характера повседневной жизни, востелесненности повседневных практик. Отдельного внимания в плане критики повседневной жизни заслуживает его теория карнальной культуры.

Многие истории философии склонны трактовать философские взгляды Розанова и Бахтина как феноменологию или прафеноменологию. Поэтому вряд ли можно считать случайным тот факт, что одними из важнейших вех в становлении критики повседневной жизни были концепции представителей именно этой стратегии. Здесь следовало бы особо отметить т. н. социальную феноменологию Альфреда Шюца, который обращается к исследованию повседневной жизни как верховной когнитивной и социальной реальности, данной в естественной установке взрослого человека. Опираясь на теорию жизненного мира Эдмунда Гуссерля, «феноменологический метод разыскания» Хайдеггера и сплав марксистских и прагматистских идей относительно практического характера повседневной жизни как мира работы и необходимости понимания и осуществления человеческой самости как некой целостности, Шюц обращается к исследованию таких значимых тем, как специфическая темпоральность повседневной жизни – intersубъективное настоящее, необратимость повседневной активности и ответственность за производимые в мире изменения, значимость повседневного модуса коммуникации «лицом-к-лицу» как уникальной возможности восприятия Другого как целостности. Продолжением этой феноменологической линии критики повседневной жизни можно также считать работы Вальденфельса.

Особого внимания в осмыслении логики и динамики становления критики повседневной жизни заслуживает фигура французского мыслителя

Мишеля де Серто. Теоретическая канва его концепции, изложенная в опубликованном при жизни философа первом томе «Изобретения повседневности» (работа, выполняемая совместно с группой учеников, планировалась как многотомное издание), была разработана на пересечении различных концептуально-методологических подходов. Сам Серто упоминал в качестве ее теоретических истоков и неомарксизм Лефевра, и теорию «микрофизики власти» М. Фуко, и даже лингвистику М. Волошинова. Само исследование было призвано доказать исходную гипотезу Серто, заключающуюся в том, что повседневная жизнь не просто носит практический характер, она является весьма специфическим видом производства, который традиционно рассматривался как пассивное потребление, следование стратегическим линиям, намеченным определенными социальными инстанциями. Серто не только доказывает, что потребление никогда не является полностью пассивным, но и обосновывает вывод о том, что оно представляет из себя особый вид активности, особое производство, которое носит избирательный тактический характер. Именно повседневные практики как тактики позволяют человеку адаптироваться к навязанным извне стратегиям и прочертить внутри этой заданной «картографии» свои собственные пути. Эта повседневная активность предполагает и особый способ переживания времени, специфическую темпоральность, удерживающую в себе смыслы, обозначенные древнегреческим словом «кайрос», и тесно переплетенную с феноменом памяти. Для доказательства этой гипотезы Серто обращается к исследованию различных повседневных практик, наиболее релевантной из которых является практика повседневной речи.

Как правильно отмечал в уже упомянутой выше работе Вальденфельс, повседневность и повседневная жизнь могут тематизироваться исходя из разных оснований: из той или иной модели субъективности, из практики взаимодействия с материальными предметами окружающего мира, из вида рациональности. В чем заключается преимущество тематизации через обращение к обыденному языку и речи? С точки зрения Серто – именно в том, что в этой ситуации преодолевается разрыв между теорией и практикой, неизбежный при исследовании любого иного феномена повседневной жизни: «Рассуждать о языке “изнутри” обыденного языка, не имея возможности “владеть картиной”, наблюдать с удаленной позиции – значит схватывать его как ряд практик, в которые мы вовлечены и через которые действует проза мира» [8, с. 77]. «Реабилитировав» повседневную жизнь, Серто вводит и обыденный язык в пространство социально-философского вопрошания.

Это не единственный позитивный аспект, относящийся к проблематизации феномена обы-

денного языка в рамках тематизации повседневной жизни. Обратив свой взор на речевые практики (в отличие от Лефевра, противопоставляющего «внесистемность» повседневности системному – в структуралистском понимании – характеру языка и дискурса [5]), Серто продемонстрировал, как язык в повседневной жизни способен выводить за пределы монологизирующего стратегического дискурса в сторону гетерогенной множественности. В противовес расхожему тезису об утрате языком своего творческого характера в границах повседневности тематизация повседневной жизни у Серто предполагала и акцент на позитивном потенциале обыденного языка к творческому преобразованию реальности за счет артикуляции неартикулированной в обществе дружности и преодоления ограниченности «правильных мест» дискурсивного языка. Речь как любая повседневная практика является тактической и полифоничной, что позволяет обыденному языку быть фундаментом преобразований социальной реальности за счет артикуляции дружности и расширения границ доступных дискурсивных языков. Именно точки преобразования стратегических сил – тактические социальные практики – избегают унификации, постоянно видоизменяются, принадлежат всем и никому в отдельности; и поэтому способны предоставлять площадку для полифонии, оставляя Другому право на дружность и видоизменение, не закрепляя за каждым лишь ярлык стратегически предопределенного места.

В то же время речь как повседневная практика не только адресуется Другому, но в определенном смысле носит и индивидуализирующий характер. Поскольку человек не может существовать исключительно в качестве каталогизированного элемента системы, каждый в своем повседневном существовании становится изобретателем различного рода тактик в рамках стратегически выстроенного социума. Хотя Серто и отмечает, что современное общество «мерит любую реальность способностью показывать или быть показанным, превращает любую коммуникацию в путешествие глаза», он, тем не менее, указывает и на то, что чтение только кажется «максимальной точкой пассивности» [8, с. 52–53]. Серто показывает, что чтение (а эта повседневная практика считывания информации пронизала собой все социальное пространство, ведь даже город считывается как текст) вовсе не является пассивным «впитыванием» информации (как и Бланшо, красиво охарактеризовавший это занятие как «праздный творческий труд»), тем самым поясняя, почему именно за внимание «обычного человека» борются все политические и маркетинговые стратегии, все машины по производству смыслов. Человек же вынужден ориентироваться «здесь и сейчас», должен создавать и выхватывать «благоприятные моменты» в нагруженном предписаниями пространстве со-

циальной реальности – этой необходимостью как раз и продиктован тактический характер повседневных практик: нужно множество «способов установления некоторой надежности внутри претерпеваемых людьми ситуаций, то есть создания возможности существовать в них, наполняя их множеством переменчивых интересов и желаний, искусством манипулировать и наслаждаться» [8, с. 55]. И именно из-за постоянного поиска баланса между человеком и социумом, Я и Другими, выяснения расстановки сил в парах «производство – потребление», «письмо – чтение» и т. д., теоретизация повседневной жизни невозможна без проблематизации языковых феноменов. Тем самым, обращаясь к теории языка, Серто как бы подхватывает критический пафос Лefевра, в очередной раз демонстрируя, что, по сути, именно сфера повседневной жизни становится ареной подлинной борьбы, в том числе, за уникальность собственного существования, будь то существование определенной социальной группы или индивида.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вальденфельс, Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности / Б. Вальденфельс // Социологос: пер. с англ., нем., франц. / сост., общ. ред. и предисл. В. В. Винокурова, А. Ф. Филиппова. – М.: Прогресс, 1991. – С. 39–51.
2. Наливайко, И. М. Критика повседневной жизни в социальной философии Анри Лefевра / И. М. Наливайко // Вестник Брeсцкаго унiверситeта. – Серія 1. Філософія. Політологія. Соціологія. – 2018. – № 1. – С. 66–70.
3. Lefebvre, H. The Everyday and Everydayness / H. Lefebvre // Yale French Studies. – 73. – 1987. – P. 7–11.
4. Blanchot, M. Everyday Speech / M. Blanchot ; translated by Susan Hanson // Yale French Studies. – 73. – 1987. – P. 12–20.
5. Haar, M. The Enigma of Everydayness / M. Haar // Reading Heidegger: commemorations : commemorations / ed. J. Sallis. – Bloomington and Indianapolis, 1993. – P. 20–28.
6. Gardiner, M. E. Critiques of Everyday Life / M. E. Gardiner. – London : Routledge, 2000. – 256 p.
7. Nalivaika, I. Alternative Subjectivity / I. Nalivaika // Phenomenology of the Everyday ; eds. : I. Nalivaika, M. B. Tin. – Oslo : Novus Press, 2014. – P. 10–49.
8. Серто, М. де. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать / М. де Серто ; пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. – СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. – 330 с.

Заклучение. Дисциплинарный статус критики повседневной жизни заключается в ее определении в качестве отдельного направления социальной философии, опирающегося на критический подход как выявление условий возможности опыта практического переустройства повседневной жизни, на признание ее амбивалентного характера и позитивного социально-онтологического статуса. Анализ динамики данного направления позволяет выделить в качестве ключевых фигур А. Лefевра, М. Бахтина, М. Бланшо, А. Шюца и М. де Серто, в чьих концепциях реализуются основополагающие способы тематизации повседневной жизни: специфический вид активности – повседневное производство, носящее необратимый характер, особый модус темпоральности, тактическая природа повседневных практик, наиболее значимой из которых в плане выявления специфики повседневной жизни является языковая.

REFERENCES

1. Val'denfel's, B. Povsednevnost' kak plavil'nyj tigl' racional'nosti / B. Val'denfel's // Sociologos: per. s angl., nem., franc. / sost., obshch. red. i predisl. V. V. Vinokurova, A. F. Filippova. – M. : Progress, 1991. – S. 39–51.
2. Nalivajko, I. M. Kritika povsednevnoj zhizni v social'noj filosofii Anri Lefevra / I. M. Nalivajko // Vesnik Bresckaga yuniversiteta. – Seryya 1. Filosofiya. Palitalogiya. Sacyyalogiya. – 2018. – № 1. – S. 66–70.
3. Lefebvre, H. The Everyday and Everydayness / H. Lefebvre // Yale French Studies. – 73. – 1987. – P. 7–11.
4. Blanchot, M. Everyday Speech / M. Blanchot ; translated by Susan Hanson // Yale French Studies. – 73. – 1987. – P. 12–20.
5. Haar, M. The Enigma of Everydayness / M. Haar // Reading Heidegger: commemorations : commemorations / ed. J. Sallis. – Bloomington and Indianapolis, 1993. – P. 20–28.
6. Gardiner, M. E. Critiques of Everyday Life / M. E. Gardiner. – London : Routledge, 2000. – 256 p.
7. Nalivaika, I. Alternative Subjectivity / I. Nalivaika // Phenomenology of the Everyday ; eds. : I. Nalivaika, M. B. Tin. – Oslo : Novus Press, 2014. – P. 10–49.
8. Serto, M. de. Izobretenie povsednevnosti. 1. Iskustvo delat' / M. de Serto ; per. s fr. D. Kalugina, N. Movninoj. – SPb. : Izd-vo Evropejskogo un-ta v Sankt-Peterburge, 2013. – 330 s.